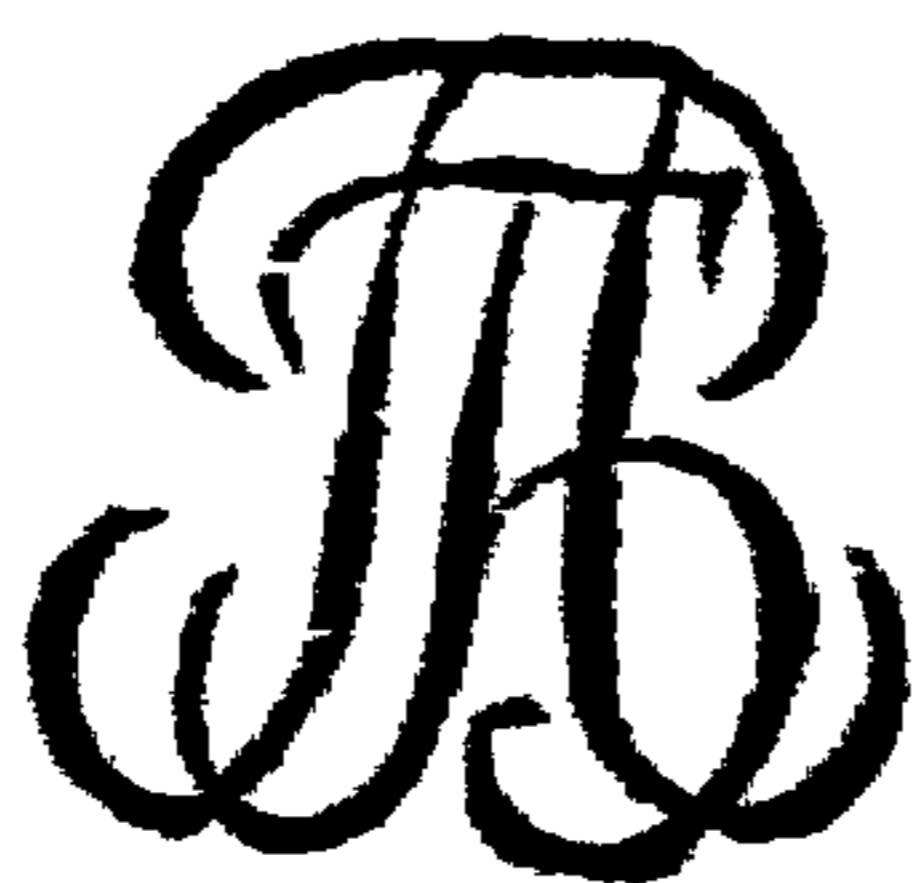

ПРОГУЛКИ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ

МОНАСТЫРЯ

СИМОНОВА.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

.....

1806.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
утрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Университета.

Сердцамъ чувствительнымъ

и

душамъ благомыслящимъ

всесерднѣйшее приношеніе.

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Лестныя одобренія, каковыми многіе изъ извѣстныхъ мнѣ поспѣннѣйшихъ Особъ удостоивали всегда піесы мои, въ разныхъ Журналахъ помѣщаемыя, возродили во мнѣ охоту посвятить въ теченіи нынѣшняго лѣта свободныя отъ должности минуты на описаніе прогулокъ моихъ въ окрестностяхъ монастыря Симонова. — Если не ошибаюсь въ моемъ замѣтаніи, мы всегда съ какою-то особенною пріятностію читаемъ что нибудь новинькое отъ тѣхъ мѣстахъ, которыми нѣ-

сколько разъ наслаждались; по-
 тому смѣю надѣяться, что и
 сей слабый цвѣтокъ въ неувя-
 даемомъ саду отъ естественной сло-
 весности, въ скучные дождливые
 осенніе дни, когда можно про-
 гуливаться только идеями, до-
 ставитъ хотя малое удоволь-
 ствіе почитателямъ и любезнымъ
 Читателямъ и Читательницамъ.

Василій Колосовъ.

ПРОГУЛКИ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ МОНАСТЫРЯ СИМОНОВА.

Кому изъ Московскихъ жителей не извѣстны очаровательныя окрестности монастыря Симонова? — Чье сердце, напичканное чувствительностію, не ощущало пріятныхъ біеній при прогулкахъ въ Майскіе вечера благораспоренные, по усѣянными ароматическими цвѣтами лугамъ, окружающимъ знаменитыя древностію стѣны и башни его? — Рука родственника и ученика, уважаемаго отъ Владыкъ земныхъ Учителя, положила первый камень для созданія сей оби-

шли (*). Гукъ Великаго Князя Василія Димитріевича, воспламененнаго ревностію въ приведенію въ дѣйствіе намѣ-

(*). Симоновъ мужескій монастырь перваго класса, въ Москвѣ за Землянымъ городомъ, какъ значится въ общемъ о монастыряхъ описаніи, начашъ строиться Св. Феодоромъ, Архимандритомъ, племянникомъ и ученикомъ Преподобнаго Сергія Чудотворца, создавшимъ сперва церковь во имя *Рождества Пресвятыя Богородицы*, кошорая нынѣ находится уже нынѣ монастыря, въ состоящей при ономъ подъ-монастырской слободѣ приходскою. — Внутри сей церкви погребены *Александръ Пересвѣтъ* и *Родіонъ Ослебъ*, иноки, коихъ въ 1380 году великій Папріошъ, Св. Сергій, избравъ изъ монашесшвующей брашні, снабдилъ оружїями для защищенія Россїи отъ нападенія со многочисленнымъ войскомъ Мамай, Князя Ташарскаго, при Державѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго. Вооруженные иноки съ геройскою неуспрашимостію успремались на пред-

реній Основателя, къ лику Свяшыхъ сопричшеннаго, преобразовала ее и устроила. Время дерзнуло обезобразить и опустошить монастырь сей; но ревностное усердіе и попечительность набожныхъ сыновъ опечесшва о благоустройствѣ и велебній хра-

назначенный имъ подвигъ, сразились съ Мамаемъ, одержали знаменную побѣду, и пали мертвые на полѣ брани! — При возрѣніи на скромные ихъ мавзолеи, я осмѣлился начертать нѣсколько стиховъ, кои здѣсь и помѣщаю:

*Сыны смиренія, Герои въ грозной брани!
Спасенна вами Мать на васъ съ улыбкой
зритъ;
Потынены иноки! — простря нѣжнѣйши
длани,
Вѣнцомъ безсмертія Россія васъ даритъ:
Покойтесь, славные, въ священныхъ силъ
стѣнахъ,
Вамъ жертвы воскурятъ въ позднѣйшихъ
временахъ! . . .*

мовъ Божіихъ, снова его украсили. — Десница Государя, нынѣ царствующаго, блюдетъ цѣлость и благосостояніе сей долины древней Обишели чрезъ сумму, на содержаніе иночествующихъ отпускаемую.

Мѣста обворожительныя! вы видѣли меня бродящаго въ первые часы улыбки по-други Флориной. — Многолѣтныя древа, кристалловидный прудъ окружающія! вы были моими благодѣтелями; вы защищали меня густою вершинъ вашихъ отъ шуманныхъ облаковъ, мгновенно въ безчисленные ряды ручьевъ разрѣшившихся; вы прохлаждали меня упоменнаго освѣжительною своею тѣнію отъ палящихъ лучей Фебовыхъ. — При захожденіи ве-

личественнаго свѣтила, при-
жавшись къ полешымъ пнямъ
вашимъ съ попушленными гла-
зами на сребренную гробницу
несчастной Лизы, мечталъ
я нѣкогда о бренности всего
подлуннаго. Перебирая Исто-
рію дѣяній человѣческихъ, я
видѣлъ, какъ единый махъ
непришумимой косы вырываетъ
блещущій скиптръ изъ швер-
дой руки миліоновъ повели-
теля, въ минушу, когда го-
товился онъ украсишь себя
новыми лаврами, какъ троны
и Царства превращались въ
ничтожество въ слѣдъ за ихъ
обладателями. — Лихоимецъ
не успѣвъ дощипать бого-
творимаго имъ злата въ тя-
желыхъ сундукахъ своихъ,
въ видѣ безчувственнаго ис-
шукана валился предъ моими

глазами, ставъ навсегда чуждымъ своего имѣнія.

Будучи рабомъ сбивчивыхъ мечтаній моихъ, перенесся я въ изгибамъ сердца чело-вѣческаго, разсуждалъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ стра-шей и обольщенія: обезобра-женная шѣнь прекрасной въ непорочности Лизы представ-лялась при свѣтѣ лунномъ мо-имъ взорамъ; блѣдный, дро-жащій Эрастъ стоялъ предъ нею на колѣняхъ и — шщеш-но силился умолять себѣ про-щеніе. — Бѣдная жертва заб-лужденія, обманутая имъ Ли-за гошова была проситишь его; но Правосудіе небесное ниспу-скало мечъ на главу пре-спущника (*)! — Ударъ грома,

(*) Исторія Лизы и Эраста должна бышь извѣстна шому, кто читалъ

порывистымъ вътромъ сопут-
ствуемый, прервалъ мою за-
думчивость; я почувствовалъ
необыкновенное біеніе въ жи-
лахъ моихъ и увидѣлъ небо,
черными тучами покрытое:
боязливая луна едва смѣла
выглядывать изъ за-облака
ее застилающаго. Сильно кру-
жился вътрѣ, дождевыя кап-
ли полились ручьями. — Что
мнѣ дѣлать? — спрашивалъ я
у самаго себя: я одинъ съ
моими мыслями, съ моимъ
посохомъ, съ моею собачкою,
одинъ въ полѣ средь бурной
ночи, далеко отъ жилища мо-
его. — Унылый крикъ птицъ,

прекраснѣйшія творенія всѣми ува-
жаемаго *Россійскаго Стерна*; но можно
ли удержаться, чтобъ не прочитать
ихъ съ новымъ удовольствіемъ нѣ-
сколько разъ?

около пруда на древесныхъ сучьяхъ отъ бури укрывавшихся, умножалъ тоску мою. Куда двинуться мнѣ? — повторилъ я самъ въ себѣ — блеснула молнія и освѣтила тщателью обдѣланный шалашъ, саженьхъ въ десяти отъ меня поставленный; я вбѣжалъ въ него, сбросилъ съ себя верхнее платье все измоченное, повалился на чистую, сухую солому, въ шалашъ посланную; услужливый Морфей подлетѣлъ ко мнѣ съ маковымъ цвѣткомъ своимъ, и я сверхъ надежды уснулъ спокойно. — Соловей пробудилъ меня раскатыстыми прелями; я вышелъ изъ сумрачной хижины; время стало благорастворенное. Палева пашна, разбросанная

по голубому горизонту, предвѣщали скорый восходъ солнца. Кукушкины слезки и левые жасмины освѣжали чувства мои благовонными испареніями; горисповка и малиновка какъ нектаромъ упоили меня гармоническою своею пѣснью.

Премудрый Творецъ и Правитель міровъ видимыхъ и невидимыхъ! произнесъ я въ сердечномъ умиленіи, сколь великъ Ты и непостижимъ самъ въ себѣ, сполько же великъ въ Твоемъ твореніи!— Ты страшенъ и милостивъ въ громахъ меня ужасающихъ, страшенъ и премудръ во львѣхъ меня устрашающихъ, непостижимъ и великъ въ бабочкѣхъ, что простропою своею забавляетъ меня, въ мошкѣхъ,

едва глазами моими созерцаемой; великъ, непоспимъ и шайншвенъ во мнѣ самомъ: я есмь лучшее произведение рукъ Твоихъ, такъ увѣряешъ меня религія, такъ самъ Ты повелѣваешь мнѣ мыслишь! — Я есмь Твой образъ и подобіе; Ты нераздѣлимъ, но я часть Божества Твоего! — Безъ Тебя я ничтожество, — комъ земли, ногами моими попираемой. — Ты далъ мнѣ разумъ хотя недовольный, чтобы понять самого Тебя, но весьма доспашочный подражать дѣламъ Твоимъ, уподобляясь Тебѣ въ благосши, удивляясь и прославляясь Твое милосердіе! — Отъ чего же швари безсловесныя, несравненно предо мною глупѣйшія, нена-

рушимо повинуються волѣ, избѣ
 небышїя вѣ бышїе ихѣ воз-
 звавшаго? а я часто не по-
 знаю Тебя, или познавѣ вѣ
 гордомѣ безумствѣ моемѣ,
 хочу бышѣ судьею дѣлѣ Тво-
 ихѣ, новымѣ шворцемѣ луч-
 шей вселенныя! . . . И Ты
 самѣ часто не узнаешь меня;
 Ты видишь во мнѣ, создан-
 номѣ бышѣ образцомѣ швоей
 крѣпости, символѣ здраво-
 мудрїя, шигра кровожажуща-
 го, волка ненасытнаго, змѣя
 язвительнаго, смертоносна-
 го! — Рука моя, обагрѣется
 кровїю братїй моихѣ, или
 моею собственною! — но Ты
 ли виновникѣ злодѣянїи ихѣ? —
 Ты далѣ мнѣ волю и посѣ-
 лилѣ во мнѣ наклонность
 стремиться отѣ лучшаго къ
 превосходящему. — Я во
 2

зло употребилъ драгоцѣннѣйшіе дары Твои: на кого же долженъ я сѣшовать, какъ не на самого себя?... Естьлибъ не чадолюбіе, а единое правосудіе управляло всемогущими Твоими перунами, давнѣе губительное пламя пожрало можетъ быть половину рода человѣческаго! — Но Боже, неизмѣримый въ своей благости! сколь не удался я отъ цѣли Тобою предназначанной; сколь не измѣнился свѣшляльникъ ума моего; сколь ежечасные опыты надъ моими собратіями не являютъ мнѣ суещность и тщету предназначеній и заботъ моихъ, ничтожность самого меня, что долготѣпнѣйшая жизнь моя въ сравненіи съ вѣчностію? — Мѣ-

нѣе, чѣмъ единая песчинка на днѣ морскомъ; — но я чувствую всю важность моей будущности: составъ брэннаго тѣла моего разрушится, испаряются кости мои, пыль ихъ разсѣется вихремъ; но духъ мой чрезъ каналы незримые возлеститъ въ предѣлы эфирные (*), соединится съ душою вселенная, совоку-

(*) Знаменитый Вольтъ въ остроумиѣнш мѣ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ: Созрѣніи Природы, говоритъ, что воздухъ наполненъ трубочками на подобіе волосапыаъ, и что чрезъ сіи трубочки душа наша, названная имъ мернымъ слитомъ, по выходѣ изъ тѣла переходитъ въ предѣлы вышней атмосферы. онъ же полагаетъ за вѣроятное, что посредствомъ означенныхъ волосапыыхъ трубочекъ, кои равномерно переносятъ въ верхъ звуки, умершіе имѣютъ свѣденіе о томъ, что происходитъ въ здѣшнемъ мірѣ,

пишся съ вѣчно-поржеспвующими сонмами духовъ невѣщеспвенныхъ, коснешся прешолу правошы Твоей, неизобразимаго Твоего величія — и сподобишся Твоего лицезрѣнія. — Ты примешь его въ распросшершыя обвѣшія съ нѣжнѣйшею любовію опеческою, и водворишь въ нѣдра блаженспва неизмѣнимаго, безконечнаго; еспьли я былъ не рабомъ, а владыкою спрашей моихъ; еспьли свято чшилъ законы Твои, съ швердою рѣшимоспію шекъ на предопредѣленное мнѣ попріще, почиая за огнишыя розы колючія шерніа на пуши нѣ добродѣтели; еспьли не воздвигалъ въ сердцѣ моемъ олшарей злашымъ кумирамъ — безчувспвеннымъ, не изгибался

дугою предъ ложнымъ ихъ
 величіемъ; есѣли вздохъ зло-
 счастнаго исторгалъ вздохъ
 изъ сердца моего, слеза горе-
 сти невинно-пришѣсеннаго
 окроплялась слезами души мо-
 ей, рука помощи, по возмож-
 носши силъ моихъ, была все-
 гда готовою къ облегченію
 ихъ жребія; есѣли я нена-
 видѣлъ злобу и коварство въ
 врагахъ моихъ, но любилъ
 ихъ какъ друзей изъ пламен-
 ной любви къ человѣчеству!...
 Бардъ весны очаровательно
 повторилъ расказы свои; я
 пошелъ далѣе, не зная самъ
 куда. — Проходилъ мимо
 полей рачительно воздѣлан-
 ныхъ, смотрѣлъ съ улыб-
 кою удовольствія, какъ зла-
 тые классы, съ лазоревыми
 васильками перемѣшанные,

отъ прикосновенія игривыхъ зефировъ, изъ тѣни въ тѣнь переливались; — превозносилъ похвалами безмятежную жизнь земледѣльческую и паспущескую, перелеталъ на крыльяхъ мечпанія къ предѣламъ благополучной Аркадіи, бродилъ по миртовымъ хижинамъ ея обитателей, сплещеными изъ розъ и лилей гирляндами обвѣшаннымъ. — Повсюду улыбающіеся хороводы игръ и плясокъ встрѣчали меня; вездѣ созерцались довольство и спокойствіе; здѣсь невинная Мелина, въ бѣломъ коронкомъ плашь, пунцовою ленточкою подпоясанная, преслѣдуемая вудрявымъ баранкомъ, гонялась по долинѣ, шуберозами усаженной, за радужною Сельфидою; шамъ

услужливый Адонисъ, сидя на берегу ручья прозрачнаго, по разноцвѣтнымъ камушкамъ протекающаго, подъ тѣнью кронисшаго лавра, не довольствуясь обыкновеннымъ способомъ извѣсненія, творилъ основаніе Поэзіи, согласуя звуки словъ и обороты рѣчи съ умноженными и улучшенными имъ тонами и аккордами флейшы своей, чтобъ позабавишь свою милую, не вѣдая, что готовитъ онъ важную услугу всему роду человѣческому. — Съ благоговѣйнымъ трепетомъ приближался я въ жилищу Палемону (*), удивлялся мудро-

(*). Приключеніе Палемона, жителя Аркадіи и Ликорисы его дочери, помѣщены въ превосходныхъ повѣстяхъ Г. Мормоншеля.

ши и опышному краснорѣ-
 чію сего добраго старца, при-
 нималъ участіе въ его горе-
 ши, кошорою небо вѣрю
 хошѣло испышашъ швердосшъ
 души его, бросалъ помные
 взоры мои на гробницу не-
 счастной его дочери и ея
 любезнаго, изъ кошорыхъ на
 первой читалъ на бѣломъ
 мраморѣ слова сіи: и я жила
 также въ Аркадіи! любовался
 попомъ разишельнымъ зрѣли-
 щемъ, какъ молодой паспухъ
 и паспушка, вмѣсто дѣшей
 Палемономъ избранные, предъ
 унылыми кипарисами, спре-
 гущими урну, гдѣ почишъ
 драгоценнѣйшій прахъ для ду-
 ши его, клялись именемъ свя-
 шой Истинны, любишъ другъ
 друга до послѣдняго вздоха
 любовью пламенной, любишъ

и чшпшь Палемона какъ от-
ца своего!... Не ручаюсь за
цѣлоссть перваго изъ обѣщавъ
сихъ, но послѣдній пребу-
детъ ненарушимымъ. Можно
ли не любить и не потыпать
мужа добродѣтельнаго? — ска-
залъ я громкимъ голосомъ, и
не замѣшилъ, какъ прибли-
жился къ рошѣ, Тюфильскою
называемой. Два жаворонка,
гордись свободою и безпечно-
спію, вились надъ головою мо-
ею. — Блестящіе лучи вели-
чественно восходящаго солнца,
преломляясь въ іриспалловид-
ныхъ капляхъ, на древесныхъ
листьяхъ еще висящихъ, пе-
рерождали ихъ въ изумруды
и яхонты. — Занявшись сею
каршиною, я нечувствитель-
но пробрался почти въ сре-
дину роши, и проходя мимо

одной сосны, частыми кустарниками окруженной, замѣтилъ, что подъ нею сопитъ нѣчто; подумавъ, что это былъ заяцъ, я покрылъ голову плащкомъ у собачки моей, чтобъ она лаяньемъ не испугала его, — взялъ ее на руки, и съ великою оспороженностию прокрался сквозь сросшіеся сучья кустарника; но что же нашелъ въ чрезвычайному моему удивленію? четырехъ, или пятилѣтняго мальчика, въ глубокомъ снѣ погруженнаго, держащаго въ правой рукѣ букетъ ландышей, красною ниткою перевязанный. — Крестьянское рубище не сильно было помрачишь красоты младенца сего; — на лицѣ его живо изображалась не коварная улыбка.

ка Амурова, но вся нѣжность и пріятность Эрошова. Еслѣ либѣ лучезарный свѣтъ Евангельскій не уврачевалъ умы отъ суевѣрія; еслѣ либѣ забавные вымыслы Мифологическіе, по которымъ Дріяды господствовали рощами, и каждое древо имѣло Нимфу, цѣлосць его охраняющую, были шеперь душою нашей религіи; когдабѣ рассказывали еще за истинну, что богъ морей былъ опцомъ крылатой лошади, а безголовая Медуза ея машерью; что Греи, дочери Форкисовы, при самомъ рожденіи получили сѣдые волосы, и имѣли всѣ при одинѣ глазѣ и зубѣ; что споглавый Тифей лежилъ подѣ горою Эпною; что руки и ноги его прикованы къ

вонцамъ острова Сициліи, и
 что слясь вспань, произво-
 дишь землетрясеніе; что про-
 ворный Меркурій, въ первый
 день по выходѣ изъ чрева ма-
 тери, укралъ шпадо Аполло-
 ново; что Геркулесъ чрезъ
 часъ послѣ рожденія убилъ
 въ колыбели двухъ змѣй,
 опѣ Юноны погубишь его
 посланныхъ; что Аполлонъ,
 съ Олимпа согнанный, засы-
 палъ съ свирѣлью при шуч-
 ныхъ спадахъ Адметовыхъ;—
 естлибъ до сихъ поръ вѣ-
 рили преданіямъ, что вели-
 кій Сатурновъ сынъ, родив-
 шій Минерву, символъ выш-
 шей премудрости изъ боже-
 ственной главы своей, былъ
 похищенъ Еврѡпы, сес-
 тры Кадмовой, и превра-
 щаясь въ быка, везъ ее на

хребтѣ своемъ ; что Леда съела отъ него яицы , изъ ко-
рыхъ , вмѣсто цыплятъ , вышли
Касторъ и Поллуксъ съ Геле-
ною ; что свирѣный Марсъ , за-
бывая битвы , единственную
утѣху свою , таялъ какъ воскъ
въ объятіяхъ прекраснѣйшей
жены Вулкановой ; что Діана,
дочь Юпитерова , испросивъ у
Громодержца , отца своего , ос-
тапьясь навсегда дѣвствен-
ною , и наказавъ жестоко за
нарушеніе сей добродѣтели
жрицу и Нимфу свою , лобызала
сама Эндиміона , прелестна-
го юношу , и покоилась подлѣ
него спящаго (*), а поду-

(*) Не лзя не поужить при семъ
случаѣ , о чемъ вѣрно пожалбуютъ и
почтенныя Чашашели , любящіе оше-
чественныя древности , что мы не
имѣемъ достаточнаго свѣденія о ба-

малѣ бы, что ребенокъ сей былѣ плодомъ любви чьей либо изъ небожителѣй, и преклонилѣ бы предъ нимъ колѣна, какъ предъ богомъ любезности! — Между тѣмъ, какъ любовался я красотою спящаго мальчика, порхнула бабочка и, вѣрно обманувшись, сѣла на розовыя уста его. — Онъ пробудился, озирался во кругъ себя, и вскидывалъ на меня взоры, робостію и удивленіемъ наполненные. — Я старался, сколько могъ, ободрить его. — Откуда ты? спро-

снословіи нашихъ предковъ. — Сомнительно, чтобъ вымыслы ихъ были столь же остры и замысловаты, какъ Грековъ и Римлянъ (жалко только, что они богамъ своимъ придали слабостей болѣе, нежели сколько почетный человекъ оныхъ имѣть долженъ); но свое посредственное милѣе,

Такъ швердитъ мнѣ дѣдушка
 всякой разѣ, когда бранишь
 меня за шалости. — Гдѣжѣ
 шеперь швой дѣдушка и сес-
 тра швая, и какъ ты одинѣ
 оспался здѣсь? — Мы ходили
 гулять шрое вмѣстѣ поздно
 вечеромѣ; дѣдушка шамѣ на
 полѣ спалѣ укладывая на-
 бранные грибы въ лукошеч-
 ки, а Параша начала обра-
 нивать корешки и связывать
 цвѣтки нишками; я взялъ у нее
 шихонько одинѣ пучекѣ, по-
 бѣжалѣ за хорошенькимѣ во-
 робушкомѣ; шо вправо, шо
 влѣво бѣгалѣ за нимѣ, мнѣ
 очень хотѣлось схватить его;
 но онѣ перескакивалѣ все да-
 лѣе; долго, долго мучилѣ ме-
 ня; наконецѣ сѣлѣ шамѣ, гдѣ
 расшешѣ на водѣ шрава сѣ
 желшими большими цвѣтка-

ми. Я было побѣжалъ и туда за нимъ: ноги мои спали проваливаться; я началъ плавать, кричать — и едва выкарапкался на землю. — Вдругъ стало темно, очень темно, пошелъ пресильный дождикъ, загремѣлъ громъ на небѣ; — сильный вѣтръ уронилъ меня, я вспалъ опять на ноги, побѣжалъ въ лѣсъ, кликалъ дѣдушку и Парашу, но они не шли ко мнѣ; я снова заплакалъ, легъ и уснулъ отъ усталости подъ эшимъ деревомъ. — Пойдемъ со мной, дружокъ, сказалъ я ему, ты будешь мнѣ указывать, и я провожу тебя къ своему дѣдушкѣ. — Хорошо, я пойду съ тобой, если ты изловишь мнѣ хорошенькаго моего воробушка. —

Изволь, я его изловлю тебѣ, только пойдешь со мной. — Нѣтъ, ты обманешь меня. Подаришка мнѣ прежде песструю собачку твою. Нѣтъ, Пешруша, я не подарю ее, она къ тебѣ не привыкла, и можетъ укусишь тебя. Ну такъ дай же мнѣ гладильную свою палочку. Я отдалъ ему мою просточку. Какъ ты добръ! сказалъ онъ мнѣ, я буду всегда любить тебя! подалъ руку и охотно пошелъ со мною.

Едва вышли мы изъ рощи, какъ Пешруша мой, увидѣвъ въ изрядномъ отъ насъ разстояніи стоящаго среди поля на колѣняхъ старца съ простертыми къ небу руками, запрыгалъ и закричалъ: Ахъ! вонъ мой дѣдушка! смотри, какъ онъ стоя на

колѣняхъ молился, ему вѣрно жаль меня; пойду скорѣе обниму его! вырвался изъ руки моей и побѣжалъ весьма проворно. Не желая за нимъ слѣдовать, я вынулъ изъ кармана лорнетъ, началъ прилѣжно разсматривать старика, въ моленіи упражняющагося. Усша его, какъ казалось мнѣ, безмолвствовали; но лучъ непоколебимой надежды на чистѣйшій духъ, душу его оживотворяющій, отражался въ преисполненномъ благоговѣніи сердцѣ его, блисталъ во взорахъ, непрестанно на небо усстремленныхъ. Онъ не чувствовалъ, что приближался Петруша, до тѣхъ поръ, какъ сей мальчикъ, проговоривъ что-то, бросился къ нему на шею. Шарикъ, не

вставая съ колѣнъ, взглянулъ, вздохнулъ и перекрестился, увидя внука, копорый, не находя словъ выразить восторга, шю прижималъ вѣрѣтко губенки къ владымъ щекамъ шариковымъ, и касался рученками сѣдыхъ волосъ на головѣ и на бородѣ его; шю цѣловалъ его грудь и становился подлѣ него на колѣни, обращая къ небу глазенки, слезами радости наполненные; наконецъ отбѣгалъ, срывалъ цвѣшны и украшалъ ими шляпу и посохъ своего дѣдушки.

Рафаэлы и Апеллесы! я вижу горделивую улыбку бессмершя на веселыхъ лицахъ вашихъ, люблюсь вмѣспѣ съ вами свѣжими миршами, которыми признашельное потомство украшаетъ чела ваши

при воззрѣніи на тканьъ, рукою
вѣщею одушевленную! — Бла-
гоговѣю предъ вами изъ любви
къ изящности; но вы вѣрно бѣ
бросали магическую кисть
свою, естълибѣ покусились
представить всѣ краснорѣчи-
вѣйшіе фразы, каковыми, не
требуя словъ, удобно изъяс-
няться сердце человѣческое,
сердце безъ хитрыхъ наукъ
и искусствъ, рукою простой
природы образованное!...

Старикъ, окончавъ моли-
ву, всталъ, поцѣловалъ Пе-
трушу и повелъ его съ со-
бою. — Я ускорила шаги мои,
чтобѣ достигъ ихъ. — Пе-
труша увидѣвъ меня, подбѣ-
жалъ ко мнѣ и, отдавая
мнѣ нѣсколько незабудовъ,
по дорогѣ имъ сорванныхъ,
сказалъ: вотъ шебѣ голубень-

вихъ цвѣтковъ за то, что привелъ меня къ дѣдушкѣ. — Спасибо, отвѣчалъ я ему; — цвѣты сіи называются *незабудками*, и я никогда не забуду столь милого, какъ ты, мальчика! — Онъ улыбнулся, я взялъ незабудки и, подошедъ къ старику, началъ его спрашивать.

Я узналъ отъ него, что онъ изъ деревни *Новинки*, верстахъ въ двухъ отъ роши Тюфальской; что Пепруша и Параша его пріемыши; что они ходяшъ въ сію рощу собирашъ для продажи грибы и ландышы. — Съ какимъ проснымъ, но шротельнымъ краснорѣчіемъ, рассказалъ онъ мнѣ повѣсть о прошекшихъ годахъ своихъ! У меня было два сына, такъ говорилъ набожный старикъ сей; одинъ

изъ нихъ умеръ еще въ малолѣтствѣ на рукахъ своей матери, а другой, по смерти ея, возмужавъ, былъ ушѣхою наступающей моей старости; онъ избралъ себѣ въ невѣсты Кашю, небогатую, но весьма добрую сироту изъ деревни сосѣдственной. — Я охотно благословилъ союзъ ихъ, на взаимномъ согласіи основанный. — Будьте рачительны, любезные дѣти, говорилъ я имъ; любите другъ друга, любите добродѣтель — и вы будете счастливы! Они свято исполняли мои наставленія, и мы жили благополучно. Хлѣбъ избыточно родился на поляхъ нашихъ, обильно цвѣли луга наши, цвѣла душа Кашина и Алешина (такъ звали моего

сына); въ восторгѣ билось сердце мое, коварные сосѣди завидовали нашему жребію, а бѣдные странники осыпали благословеніями наше гостепріимство! Катя сдѣлалась беременна и родила сына, милаго какъ Ангелъ! Одна благодѣтельная госпожа, остановившаяся въ то время у меня въ домѣ, была воспріемницею его ошѣ купели, и, любя Катю, подарила ей значущее число денегъ на его воспитаніе, запрещивъ сказывать о семъ челоуѣколюбивѣйшемъ ея поступкѣ.— Я убѣждалъ его, чтобъ онъ открылъ мнѣ имя скромной благошворительницы; но старикъ ни за что не хотѣлъ нарушить ея воли.— Богъ все вѣдаетъ, ошвѣчалъ онъ мнѣ,

и сего довольно. — О дни пре-
 блаженные! продолжалъ спа-
 рецъ, вы были однимъ толь-
 ко обворожишельнымъ снови-
 дѣніемъ; почто не кончилась
 съ вами жизнь моя? за чѣмъ
 пробудился я отъ сна сего,
 чтобъ испить полную чашу
 злополучія? . . . Тупъ слезы
 покапались изъ глазъ его. —
 Зависпники пишины и благо-
 деншвія, вѣроломные Турки
 вынудили измѣнническими по-
 спуцками начашъ съ ними
 войну миролюбивую нашу Мо-
 нархиню, Великую ЕКАТЕРИНУ,
 тогда царшовавшую. — На-
 слано было повелѣніе наби-
 рать рекруповъ; жребій палъ
 на Алешу моего. — Я былъ
 въ то время въ оплучкѣ
 по нуждамъ моимъ. — Воз-
 вращаясь въ деревню, я на-

шелъ Катю полумертвую. —
 Мыбъ сказываюшъ, что сынъ
 мой схваченъ и опхезенъ въ
 Москву. Какъ громъ порази-
 ла меня вбсшь сїя, сердце
 у меня замерло, ноги под-
 косились, я повалилася на
 землю, и нбсколько часовъ
 лежалъ безъ чувства; нао-
 нецъ пришелъ въ себя, по-
 скакалъ въ Москву. — Но что
 же? дбло было уже давно
 кончено. — Молодой баринъ!
 я не стану рассказывать
 тебб свиданїя моего съ Але-
 шею, и такъ весьма тяжко
 сердцу моему! Не зная что
 дблалъ, я пошелъ въ Пол-
 ковнику того полку, въ ко-
 торомъ былъ сынъ мой. —
 Дай Богъ доброе здоровье ко-
 мандиру сему, естли онъ
 живъ еще! — Онъ былъ че-

ловѣвъ пречестный и состра-
 дательный! — я залился сле-
 зами и упалъ къ ногамъ его.
 Другъ мой! сказалъ онъ мнѣ,
 поднимая меня, крайне со-
 жалѣю, что не въ силахъ
 помочь тебѣ; но клянусь
 именемъ меня и тебя Соз-
 давшато, что буду любить
 и покровительствовать сыну
 своему, какъ скоро замѣчу
 хорошіе поступки его! Полюбъ
 выспушилъ въ походъ, и сынъ
 мой, какъ рассказывали мнѣ
 солдаты, удивленные его не-
 успрашимостію, палъ мер-
 твый, храбро сражаясь на стѣ-
 нѣ города Очакова. — Я не
 сожалѣю болѣе о смерти его,
 онъ исполнилъ долгъ свой,
 разя басурмановъ, умеръ за
 отечество и за вѣру Хри-
 стіанскую. Но еще и по

нынѣ мучишь меня кончина
 Кашина, которая умерла съ
 горести. Ваня, сынъ ея, тща-
 тельно мною воспитываемый,
 пошедъ рано поутру ку-
 паться съ поварихами, упо-
 нулъ въ Москвѣ рѣкѣ про-
 шивъ деревни Кожуховой. —
 Я плакалъ, рвалъ на себѣ
 волосы, клялъ день моего
 рожденія — и вѣрнобъ, проси
 Боже мое прегрѣшеніе! по-
 ложилъ на себя руки, естъ-
 либѣ благоразумный сельской
 священникъ не возвратилъ
 мнѣ разсудка спасительными
 своими совѣтами. — Долго
 жилъ я одинаковъ; наконецъ
 по прозьбѣ одного изъ друзей
 моихъ, взялъ изъ разныхъ
 мѣстъ двухъ бѣдныхъ сиро-
 токъ, Петрушу, котораго
 здѣсь видишь, и Парашу, о

котрою я вамъ сказывалъ. Одна добрая старушка, живущая въ моемъ домѣ, взяла на себя трудъ пешися о ихъ воспитаніи. Пешруша зоветъ Парашу сестрою, а она его братомъ, не помня ни матъ, ни другая, ни опца своего, ни машери. — Я переспалъ уже ропшашъ на судьбу свою: всемоцное время, а паче швердое упованіе на Существо всеблагое, уврачевали тяжкія раны души моеи. — Одно шольво воспоминаніе иногда превожитъ сердце мое, но Пешруша и Параша дѣтскими забавами прогоняютъ грусть мою. — Сими словами старикъ окончилъ свою повѣсть (*). Принявъ

(*) Я надѣюсь на снизхождение гг. Чашелей, что для пріятности въ

сердечное участіе въ минувшихъ его горестяхъ и пожелавъ ему искренно, чшобъ благодарительное небо изгладило навсегда изъ его памяти мучительное о нихъ воспоминаніе, я съ нимъ распался.

Палашіе лучи солнца напомнили мнѣ, что наступилъ уже полдень. — Я взглянулъ на часы и увидѣлъ ровно двенадцать. — Забывъ правило Гг. Медиковъ, что лучшее время для купанья

чшеніи нѣсколько пріукрасилъ рѣчи стариковы, увѣряя ихъ при томъ, что не прибавилъ ошъ себя ни одной мысли къ его повѣствованію. — Непоколебимая приверженность къ вѣрѣ, Государю и опечесшву, есть характеристическая черта Русскихъ: — сами злобные завистники нашего благоденствія и славы не могутъ не удивляться сей высокой добродѣтели.

утро и вечеръ (*), я бросил-
ся въ кристалловидныя спруи
Смородиновки (**). Наяды при-

(*) Кто хочетъ знать спасительныя
правила, какъ соблюдать во всѣхъ
случаяхъ свое здравіе, дабы продол-
жить чрезъ то благополучно жизнь
свою, тошъ долженъ со вниманіемъ
прочитать сочиненіе о семъ предме-
тѣ Г. Писсепа, извѣстное подъ назва-
ніемъ *Руководство къ Гигіенѣ*, удостоен-
ное Монаршаго вниманія и благоволе-
нія въ прекраснѣйшемъ переводѣ съ
Французскаго на Россійскій языкъ,
трусами извѣстнаго Почтенной Публи-
кѣ, знаменитаго многолѣтною опытно-
стію, неутомимою для пользы соотчи-
чей дѣятельностію и глубокими систе-
матическими познаніями Доктера, Ор-
динарнаго Профессора и Медицинскаго
Факультета при Императорскомъ Мос-
ковскомъ Университетѣ Декана, Г. Ко-
ллежскаго Совѣтника Полишковскаго.

(**) Москва рѣка, какъ всѣмъ, думаю,
извѣстно, называлась прежде *Сморо-
диновкою*. — Мнѣ захотѣлось упошре-
бить здѣсь старинное ея имя.

няли меня съ рукоплесканіемъ и осыпали, играя жемчужинами и яхонтами. Ами (*), имя собаки моей, рѣзвилась вокругъ меня. — Освѣживъ прохлагою упомянутыя силы мои, я пошелъ къ деревни Кожуховой. Повсюду улыбающіяся картины процвѣтающаго спокойствія представлялись глазамъ моимъ. Веселыя крещьянки, шевеля сѣно, восхищали слухъ мой деревенскими своими пѣснями. Я зашелъ въ домъ къ одному поселянину; услужливая старушка принесла мнѣ блюдо земляники и чашку густыхъ сливокъ; я выпилъ сливки до капли за здравіе драгоцѣннѣйшаго отечества.

(*). Ами Французское слово, значить другъ.

Да успыдаюся самихъ себя, сказалъ я, бѣснующіе враги наши и, повергшись въ чисто-сердечномъ раскаяніи къ стопамъ вѣнчанной Крошоспи въ образъ Александра Перваго, да научашся изъ молодыхъ премудрыхъ успѣвъ Его сей высокой истиннѣ, что не война, а миръ творитъ счастливыми теловѣковъ!

Поблагодаривъ старушку, я пошелъ къ мосту и усремилъ взоры мои на Коломенское. Здѣсь, думалъ я, родился Великій въ сравненіи съ Великими; здѣсь прошекали часы дѣшсшва его, развивались и образывались юныя способности! Младенецъ, оплывшійши сѣменами мудрости ученѣйшихъ шарцевъ превышавшій! воображалъ ли кто,

видя мячекъ въ рукѣ Твоей,
 что Тебѣ предоспавлено судь-
 бою совершишь едва имовѣр-
 ные подвиги, зашмишь дѣла
 Вѣнценосцевъ и Героевъ за
 боговъ почишаемыхъ, пре-
 взойши первѣйшихъ мудрецовъ
 благоразуміемъ и наполнишь
 концы вселенныя громкою сла-
 вою Твоего имени! — Мы
 ясно видимъ благошворное
 сихъ чудесъ событіе — и
 хвала наша не прежде умол-
 кнетъ въ семъ мірѣ, какъ
 съ разрушеніемъ преобразо-
 ваннаго Тобою Опечесшва въ
 шощъ страшный день, когда
 померкнетъ солнце и свѣ-
 тила небесныя обрушатся на
 землю. — Тогда падемъ мы
 въ сонмахъ безчисленныхъ къ
 подножію Превѣчнаго Чадоло-
 бія и воскликнемъ: Боже все-

щедрый и всеправедный! Ты
 въ образѣ ПЕТРА, Твоего По-
 мазанника, обильно излилъ
 на насъ благосшь свою. —
 ПЕТРЪ содѣлалъ насъ досто-
 яными имени челоуѣковъ, име-
 ни дѣшей Твоихъ! Коломен-
 ское!... швое имя начерша-
 но въ сердцѣ моемъ — въ
 сердцѣ каждаго Россіянина! —
 съ именемъ ПЕТРА оно пребу-
 дешъ незабвеннымъ въ позд-
 нѣйшихъ Лѣтописяхъ нашей
 Исторіи!... Саѣды ЕКАТЕ-
 РИНЫ рисовались нѣкогда на
 пескахъ швоихъ, на коврахъ
 зеленобархатныхъ. — Великая
 почла себѣ за долгъ посѣ-
 тить колыбель Великаго и
 посшавила счастливое своимъ
 жребіемъ, процвѣщающее сно-

ва Царицыно прекраснымъ памяникомъ своего присудствія (*).

(*) Коломенское и Царицыно состояшъ нынѣ подъ главнымъ управленіемъ, Кремлевскою Экспедиціею, Масперскою и Оружейною Палатою Главнотальспвующаго, Господина Дѣйсшвишельнаго Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Дѣйсшвишельнаго Каммергера и разныхъ Орденовъ Кавалера, Петра Степановита Валцева. — Высокопочтеннѣйшему и примѣрно дѣятельному Мужу сему, кромѣ многочисленныхъ знаменишѣйшихъ трудовъ, неупомимо подѣемлемыхъ имъ, и ревностнѣйшимъ его соспрудникомъ, Снапскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ, Княземъ Михайломъ Дмитріевичемъ Цицанозымъ, равно и прочими Гг. Членами Кремлевской Экспедиціи для пользы и славы своего Ошечества, должны бышъ особенно весьма благодарны Московскіе жители за шѣ удовольствіе, коимъ они наслаждающся чрезъ открьшіе и отпѣнное ушройшво пріяшнѣйшихъ, особенно доселѣ никогда въ Москвѣ не существовавшихъ водяныхъ гуляній, луч-

Громкіе шупливые разгово-
ры нимфѣ, мимо меня прохо-
дящихѣ, прервали мою задум-
чивость. — Я взглянулѣ еще
разѣ на гошическія башни
Коломенскія и возвратился въ
городѣ.

Очаровательныя окрестно-
сти монастыря Симонова! се-
нынѣ снова благословляю васѣ
не одинѣ съ странническимѣ
моимѣ посохомѣ, но съ людь-
ми милыми сердцу моему въ
весьма пріятной и полезной
прогулкѣ батанитеской! — Моло-
дые соотечественники! рано
или поздно ударитѣ для каж-
даго изѣ насѣ роковой коло-
колѣ! великіе и малые ля-
гутѣ во гробы, но не умретѣ

шимѣ образомѣ сію гордящуюся древ-
ностію и великими происшествіями
Смолицу украшающихѣ.

сѣ нами Исторія дѣла на-
шихъ! Возблагодаримъ Прови-
дѣніе насѣ ущедрившее! по-
томки позавидуютъ можешъ
былъ нашему жребію. — Мы
живемъ въ вѣвѣ благошвори-
тельности и просвѣщенія: кро-
мѣ безчисленныхъ щедротъ
и попеченій Ангела любезно-
сти, въ образѣ Александра
Перваго, надъ нами царству-
ющаго, и чадолюбивѣйшей Его
Матери, Государыни Импера-
трицы Маріи Февдоровны,
о разумноженіи спаситель-
ныхъ познаній въ самыхъ
отдаленнѣйшихъ краяхъ Рос-
сійской Имперіи, на пріюмы
наши, Голицыны (*), Шере-

(*) Важнѣйшія благошворенія Его Сія-
тельства, Князя Дмитрія Михайлови-
ча Голицына, и двоюроднаго брата его,
Князя Александра Михайловича, подроб-

мешевы (*) и Демидовы (**)
блещущъ какъ лучезарныя

но описаны мною въ піэсѣ, подъ названіемъ: *Воробьевы горы*, напечатанной въ 1804 году въ *Журналѣ Новостей Русской Литтературы*.

(*) При идеи о великихъ пожертвованіяхъ Его Сіяшельства, *Графа Николая Петровича Шереметева*, не лзя не упомянуть о ревностнѣйшихъ прудяхъ почтеннаго исполнителя достохвальныхъ его намбрений, извѣстнаго и въ ученое свѣтѣ своими дарованіями, *Г. Спашскаго Совѣтника и Кавалера, Алексѣя Федоровича Малиновскаго*. — Должно предположить за истинну, что огромное зданіе, въ пользу человечества, близъ *Сухаревой башни* воздвигнутое, подъ благо разумнымъ и неушомимо дѣшательнымъ его управленіемъ, принесетъ новую славу Россіи.

(**) Знатныя пожертвованія Его Превосходительства, *Павла Григорьевича Демидова*, извѣстны уже чрезъ *Газеты Почтенной Публикѣ*. — Оспается только замѣнить, что сей знаменитый

вѣвши на горизонтѣ оше-
чешвенномѣ. Счастливая Рос-
сія съ улыбкою восшорга
взираешъ на безсмертныхъ
сыновъ своихъ, и подобно
возвеличенной дѣльми своими
родительницѣ, съ гордостію
воспоминаешъ о минушахъ

Мужъ оказалъ не токмо щедрость
свою, но и достойную всякаго удив-
ленія дѣшельность чрезъ пода-
рокъ рѣдкаго Кабинета, въ шече-
ніи многихъ лѣтъ щашельно са-
мимъ имъ собраннаго, Московскому
Университету, гордящемуся нынѣ
своимъ жребіемъ и благословляющему
судьбу свою подъ управленіемъ до-
стопочтеннѣйшихъ своихъ Начаьни-
ковъ, Его Превосходительсшва, Г. По-
печителя, Михайлы Никитита Муравьева,
и Г. Рекшора, Петра Ивановича Стра-
хова, сему знаменитому Храму Музъ,
оправдывающему непрестанно всеоб-
щую къ нему довѣренность и уваже-
ніе, и принесшему толико пользы
ошечеству, особенно въ бытность въ
ономъ Дирекшоромъ, душевно и по-

ихъ рожденія. — Нашъ вѣкъ
 гордится и Писателями, кро-
 мѣ давно увѣнчанныхъ сла-
 вою незабвенныхъ нашихъ со-
 временниковъ, Россійскаго Го-
 мера въ Херасковѣ, Пиндара
 въ Державинѣ, — Геній Кутузова
 и Дмитріева соорудилъ себѣ
 памятникъ крѣпче бронзы и
 мрамора. — Всегубительная
 нося времени падежъ изъ ру-
 ки Сатурновой предъ не-
 плѣнными сѣкъ Мужей обели-
 сками! . . .

Молодые сограждане! — вы
 знаете Академію на Ни-
 кольской улицѣ, при Зако-
 носпаскомъ монастырѣ соспо-
 ящую, собираетесь въ мона-

нынѣ почишаемаго всѣми Универси-
 тетскими писомцами, извѣснаго
 Любителя учености, Г. Тайнаго Со-
 вѣтника и Кавалера, *Ивана Петровича*
Тургенева.

спырь сей въ дни праздни-
чные; при спройномъ хорѣ
пѣвчихъ, поющихъ во время
божественной службы хвале-
бные гимны Препрославлен-
ному, воздашь благодареніе
насъ Создавшему, и усладишь
умъ и слухъ вашъ изящнымъ
проповѣдованіемъ высочайшихъ
исшинъ; но весьма не мно-
гіе изъ васъ извѣсны о за-
служивающихъ всякое внима-
ніе прогулкахъ Ботаническихъ.
Сладосшно бесѣдовашь съ При-
родою; но гдѣ же легче и
удобнѣе сдѣлаться достои-
нымъ ея другомъ, какъ не
подъ открытымъ небомъ на
зеленыхъ пространныхъ по-
ляхъ, безчисленными цвѣт-
нами усѣянныхъ, слыша опы-
тныя наставленія ученѣй-
шаго и трудолюбивѣйшаго

руководителя? Прежде нежели скажу вамъ о учрежденіи прогуловъ сихъ, я намѣренъ разсказать нѣсколько о самой Академіи.

Славяно-Греко-Латинская Академія, названная Законосласкою, по мѣстоположенію монастыря за Иконнымъ рядомъ, основана Царемъ Θεодоромъ Алексѣевичемъ, съ согласія Патриарха Московскаго Іоанна, по предсавленію прибывшаго изъ Іерусалима Россійскія породы Іеромонаха Тимоѳея, обучившагося тамъ Греческому языку.

Для классовъ первоначально опшведены были въ духовной Типографіи верхнія при палаты, и собрано изъ разныхъ званій малыхъ дѣшей числомъ тридцать, за которыми

повелѣно было означенному Тимоѣю имѣть надзираніе, а Греческому чшенію и письму обучашь Греку Мануилу, а по немъ Греку же Геромонаху Іоакиму.

Сколь великое попеченіе какъ самъ Царь, такъ и Патриархъ имѣли о семъ Училищѣ, видно изъ того, что они сами едва не каждую недѣлю оное навѣщали, и какъ учащихъ, такъ и учащихся довольно награждали. Желая сей садъ размножить, они просили Вселенскихъ Патриарховъ о присылкѣ въ Москву учившей, въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, равно и во всѣхъ свободныхъ наукахъ искусныхъ; почему въ 1685 году и присланы были отъ означенныхъ Патри-

арховъ св ихъ Грамошами
 два учишеля Греки, родные
 братья Иоанникій и Софро-
 ній Лихудьевы, коимъ велѣ-
 но было жить въ Богоявлен-
 скомъ монастырѣ; для чего
 изъ той школы, что въ
 Типографіи, часть учени-
 ковъ шуда и переведена, а
 другая на прежнемъ мѣстѣ
 оставлена; но прошесшии же
 двухъ лѣтъ, обѣ въ одну
 Лихудьеву соединены, св при-
 совокупленіемъ еще по Указу
 сорока боярскихъ дѣшей.

Въ такомъ положеніи на-
 ходилось сіе Училище въ Бо-
 гоявленскомъ монастырѣ до
 1686 года, въ кошоромъ, ко-
 гда Патріархъ Іоакимъ, на
 ошказанную Грекомъ Іеро-
 монахомъ Меленшіемъ изъ
 двухъ тысячъ рублей состо-

ящую сумму, совершилъ въ
Зайконоспаскомъ монастырѣ
новое каменное поспроеніе :
сія школа въ оный переведе-
на и наименована *Академією*.

Послѣ чего начало умно-
жашься число учащихъ охот-
никами разныхъ званій, и
науки преподавашься : Грам-
матика, Піишика, Ришорика,
Діалекшика, Логика и Физи-
ка; а съ 1701 года, по при-
бышій изъ Рима Геромонаха
Палладія (кошорый въ томъ
же году въ семъ монастырѣ
построилъ каменную прапе-
зу), и Богословія.

Видя оцупишельную поль-
зу отъ сего заведенія Миш-
рополитъ Рязанскій Стефанъ
Яворскій, коему поручена
была тогда въ управленіе
Пашріаршая Епархія, опре-

дѣлилъ давати изъ бывшаго монашшрскаго приказу денежнаго годоваго жалованья: Архимандришу и Рекшору по 200, а Учишелямъ по 100 рублей.

Когда-же Преосвященный Теофилакшъ Лопишанскій, бывшій тогда Архимандришомъ и Рекшоромъ, сочинилъ благодарственныя Пѣсни за одержанную надъ Шведами побѣду подъ Полшавою, и поднесъ оныя блаженныя памяти Императору Петру Первому; въ то время прибавлено опшудажъ по Указу годоваго жалованья Архимандришу и Рекшору по 300, каждому же Учишелю по 150 рублей.

Въ царствованіе Матери Ошечества, Великія Екате-

РИНЫ, по состоявшимся въ 1764 году монастырскимъ шашамъ, опредѣлено на сію Академію въ годъ по 4,500 рублей.

Государь Императоръ Павелъ I, по вступленіи своемъ на Престолъ, соблаговоливъ опредѣлилъ въ годъ по 12,000 рублей.

Высокопреосвященнѣйшій Московскій Митрополитъ Платонъ, главный Директоръ и Прошекторъ сей Академіи, изъ любви къ благошворенію содержишь на своемъ коштѣ пять человекъ, называемыхъ Платониками, кои по его приказанію живутъ въ томъ же Законоуспенскомъ монастырѣ въ особливомъ покоѣ, имѣя особый столъ отъ тѣхъ, кои пользуются казеннымъ содержаніемъ.

Академія имѣетъ извѣстную сумму, положенную покойнымъ Графомъ Федоромъ Андреевичемъ Остерманомъ, которая, по его соизволенію, въ опредѣленное время, чрезъ разыгрываніе лотарей, подъ названіемъ praemium virtutis, раздается Студентамъ и ученикамъ всѣхъ классовъ, отличившимъ себя успѣхами и благоправіемъ.

Стараніемъ Ректора Евлампія, что нынѣ Епископомъ въ Архангельскѣ, умноженъ и приведенъ въ лучшей порядокъ пѣвческій хоръ. Въ его же бытность учреждены въ Академіи пѣвческіе классы, на которыхъ ученики нижнихъ классовъ должны обучаться Рускому полному пѣнію и округу церковному.

Онъ же Евлампій былъ избъ Рекшоровъ первый Кавалеромъ Св. Анны вшорой степени, Сей знакъ отличія получилъ онъ при Коронаціи Государя Императора Павла I.

Послѣ Евлампія награжденъ былъ шаковымъ же Орденомъ Архимандритъ сего монастыря и Академіи Рекшоръ Владиміръ, который живетъ нынѣ за болѣзнію на покоѣ въ Суздалѣ, въ Спаскомъ монастырѣ, пользуясь пансіономъ половиннаго жалованья.

Преемникомъ сего послѣдняго былъ Августинъ — чшо нынѣ Епископъ Дмитревскій, Московскій Викарій и Кавалеръ Св. Анны первой степени — содѣйствовавшій весьма много благоразумною своею дѣятельностію въ приве-

въ Академіи всѣхъ частей
болѣе и болѣе въ цвѣтущее
состояніе. Вторую степень
означеннаго Ордена получилъ
онъ еще въ бытность его
Ректоромъ Лаврской Семина-
ріи, равнобрно при Коро-
націи Павла I.

Нынѣ Ректоромъ Моисей.
Его особеннымъ стараніемъ
и попечительностію оказали
Студенцы отличные успѣхи
въ классахъ, называемыхъ
экстраординарными, то есть:
въ Еврейскомъ, Греческомъ, Нѣ-
мецкомъ и Французскомъ.

Должность Ректора, кромѣ
другихъ, состоитъ въ пре-
подаваніи Богословскаго уче-
нія, и въ публичномъ въ
воскресные дни проповѣданіи
Священнаго Писанія.

Предмѣспшники нынѣшняго Ректора толковали Посланія Павловы; но онѣ, со вступленія въ сію должность, толкуютъ Бышейскую книгу.

Префектомъ въ Академіи Сергій, соборный Геромонахъ. Кромѣ Префектской должности онѣ преподаетъ Философію, и вмѣстѣ съ Г. Ректоромъ посѣщаетъ каждый мѣсяцъ классы для дѣланія ученикамъ испытаній.

Проповѣдниковъ два. Они еженедѣльно по очереди сказываютъ проповѣди, и называются Соборными Геромонахами.

Учителей шесть.

Число Студентовъ вообще бываетъ болѣе 150 человекъ.

Учениковъ всѣхъ классовъ счисляется до 1000.

По воскреснымъ днямъ преподаеся публично Капихизисъ, который какъ ученики, такъ и посторонніе могутъ слушать. Капихизисъ преподаетъ пошъ изъ Училищелей, которому прикажетъ Ректоръ, и до того времени, до котораго назначишся.

Прошлаго 1805 года Сентября 15 въ Торжественнѣйшій день Коронаціи Государя Императора, достопамятно нынѣ царствующаго, нѣкоторая благодѣтельная Особа, коей почтенное имя и донынѣ еще хранишся подъ печатью милой скромности, внесла отъ избытковъ своихъ въ правленіе Академическое 5000 рублей съ Актомъ, соблюдаемымъ подъ шишломъ Акта

благотворительности, въ силу
 коего съ уномянушой суммы,
 назначаемой къ опдачѣ въ
 Императорскій Московскій
 Воспитательный Домъ, полу-
 чаемая ежегодно процент-
 ные деньги 250 рублей, дол-
 жны раздаваться отъ началь-
 ства Академіи цѣли неиму-
 щимъ учащимся, оплачиваю-
 щимъ себя особенными успѣ-
 хами въ наукахъ, и добро-
 порядочнымъ поведеніемъ въ
 пособіе ихъ содержанію, по
 50 рублей каждому (*).

При Академіи есть доста-
 точная библіотека, изъ ко-
 торой дозволено брать книги
 для чтенія Ученикамъ и Сту-
 дентамъ.

(*) О семъ достохвальномъ поступкѣ
 подробно напечатано въ Московскихъ
 Вѣдомостяхъ 1806 года подъ № 69.

Въ Академіи при Факультетахъ: Богословскій, Медико-Хирургическій и Философскій.

Медико-Хирургическій Факультетъ открытъ 1802 года Октября 2 дня, въ силу Имяннаго Высочайшаго Указа, даннаго Сенату того года Іюля въ 17 день.

Неусынно пекущійся о счастіи своихъ подданныхъ, человеколюбивѣйшій Государь Императоръ Александръ I, желая замѣнить въ селеніяхъ недостатокъ лечебныхъ учреждений, и чрезъ врачей духовныхъ открытъ поселянамъ помощь въ тѣлесныхъ немощахъ, приказалъ ввести Медико-Хирургическое ученіе въ училищахъ сего рода.

Многихъ ученыхъ Обществъ разныхъ Государствъ Членъ,

Докторъ, Адъюнктъ, Профессоръ и Операторъ, Г. Надворный Совѣтникъ *Мухинъ*, будучи довольно извѣстенъ Государственнѣйшей Медицинской Коллегіи со стороны обширныхъ его познаній и зрѣлой опытносши во всѣхъ частяхъ Врачебной Науки, опредѣленъ ею для преподаванія полнаго Курса Медико-Хирургическихъ Наукъ въ сію Академію.

Онъ кончилъ уже первый тригодиный Курсъ, и съ 15го Июля 1805 года преподаетъ вторый двугодиный.

Польза отъ сего учрежденія очевидна: несчастныя жертвы немощей будутъ имѣть повсюду руку помощи, чрезъ что сохранится безчисленное множество народа.

Сильныя кровопеченія, вы-

вихи, переломы, угаръ, замерзаніе, задохнушіе и прочіе симъ подобныя припадки, похищавшіе прежде; особенно между поселянами, весьма значное число людей, будущъ имѣшь своихъ побѣдителей, кои пришущающъ смертоносное жало пагубнымъ ихъ послѣдствіямъ.

Намъ извѣстно, что ошъ натуральной оспы погибало половинное число младенцовъ. Духовенство, принявъ на себя обязанность прививать коровью оспу, непременно избавишъ сіи невинныя жертвы ошъ безвременной смерти.

Еслили новыя сіи Медики не въ состояніи будущъ лечишь упорныхъ болѣзней: то они весьма уже довольно сдѣ-

дають, когда спануть совѣ-
 шовать поселянамъ искашь
 помощи у людей, свѣдущихъ
 врачевашь оныя. — Болѣзни же,
 перебующія мгновеннаго по-
 собія, изъ легчайшихъ, часто
 перемѣняющіяся въ смертель-
 ныя, ставъ предметомъ всег-
 дашней ихъ заботливости и
 попеченій, гораздо менѣе бу-
 дущъ похищать людей; —
 сверхъ того, отдаляя тща-
 тельно всѣ вредоносныя при-
 чины и способы, производящія
 скорби, они обезвѣдаютъ и
 уменьшатъ и самыя болѣзни. —
 Суевѣріе силою врачебныхъ
 наукъ совершенно испребиш-
 ся. — Пасхырь духовный,
 имѣя познанія Медицинскія,
 будетъ гораздо ученѣе, при-
 ятнѣе въ бесѣдѣ и полезнѣе
 въ обществѣ, чрезъ что при-

обретѣтъ себѣ болѣе любви и уваженія. — Оставивъ изчисленіе многочисленныхъ пользъ и выгодъ, отъ такихъ заведеній произойти могущихъ, можно, кажется, сказать утвердительно, что нѣтъ никакого столь дѣйствительнаго способа могущественно размножить число народа, какъ возложеніемъ врачебной обязанности на Духовенство.

Г. Мухинъ, какъ слышалъ я отъ нѣкоторыхъ Любителей учености, не только ввелъ въ Академію всѣ Медико-Хирургическія, теоретическія и практическія Науки, но далъ имъ примѣрное законное печеніе; перевелъ одну, сочинилъ и издалъ четыре учебныя Медицинскія книги, изъ

кошорыхъ недавно оппеча-
 шанныя съ рисунками, подъ
 названіемъ: *Первыя Натала Ко-*
стоправной Науки, соединяю-
 щая въ себѣ лучшимъ обра-
 зомъ теорію съ практикою,
 ясно доказываетъ таланты его
 и можетъ названа бытъ един-
 ственною въ своемъ родѣ
 на Россійскомъ языкѣ; ибо
 Костоправныя правила, быв-
 шія до сихъ поръ весьма
 недоступными, никогда на
 ономъ не существовали въ
 систематическомъ порядкѣ,
 возбуждалъ въ учащихся искус-
 ствомъ своимъ и дѣятельно-
 стію великую охоту въ симъ
 познаніямъ, приуготовилъ въ
 прехожденію врачебной дол-
 жности значное число Слу-
 денцовъ, изъ числа кошорыхъ
 многіе были уже употребля-

емы съ похвалою; въ публичныхъ Собраніяхъ, бываемыхъ въ Академіи, говорены были сими Студентами Рѣчи о важнѣйшихъ предметахъ Медицины. — Онъ, для большей пользы своихъ слушателей, обходитъ во время лѣта съ означенными Студентами и прочими Любителями сего рода занятой окрестности Москвы, для обозрѣнія растений, въ сихъ мѣстахъ находящихся.

Каждый изъ прогуливающихся, срывая цвѣты и травы, обратившія на себя его вниманіе, показываетъ оныя Г. Мухину, который разсматривая надлежащимъ образомъ, дѣлаетъ объ нихъ, согласно съ системою Линнея, весьма удовлетворительныя объясне-

нія. Г. Мухинъ извѣсняется
ясно и пріятно.

Прогуливаясь въ окрестно-
стяхъ монастыря Симонова,
мы собрали болѣе сша рас-
шеній, занимающихъ мѣсто
въ Ботаникѣ, изъ которыхъ
около половины употребляют-
ся при дѣченіи разнаго рода
болѣзней.

Когда подошли мы къ зем-
ляному бишному, примѣрному
строенію, близъ рощи Тю-
фильской находящемуся, Г.
Мухинъ разсказывалъ намъ,
что сельскіе жишели въ Ма-
лороссіи дѣлаютъ шочно па-
ковымъ же образомъ въ избахъ
своихъ печки; что они вла-
дутъ слоями сырую, по боль-
шей части горшечную, или
кирпичную глину между до-
сками, или лѣсомъ, каковымъ

обыкновенно употребляютъ для сводовъ въ каменномъ строеніи, съ нѣмъ только различіемъ, что для печки заготовляютъ они его въ маломъ видѣ. Потомъ бьютъ глину большими текмарями, или долбешками (деревянными молотками), пока слой сей отвердѣетъ; послѣ чего наложивъ другой, продолжаютъ битье. Такимъ образомъ поспускаютъ до пѣхъ поръ, пока печка будетъ готова. Наконецъ дають ей нѣсколь-ко дней сохнутъ, по прошествіи которыхъ очищаютъ ее и обмазываютъ жидкою сѣрою, или бѣлою глиною; а наконецъ чрезъ протачиваніе по нѣскольку ежедневно, совершенно высушиваютъ и обжигаютъ, такъ

что вся печка кажется со-
 ставленною изъ одного кир-
 пича; что нѣсколько сход-
 но съ симъ Малороссіане дѣ-
 лаютъ избы, *жапами* называ-
 емыя; они, поставя столбы
 въ землю, связываютъ ихъ
 въ верху деревянными бал-
 ками; между столбами спа-
 ваютъ тонкіе колы, и дѣла-
 ютъ на нихъ плешень изъ
 хворосу, или камыша, изъ
 соломы, пырея, или сѣна, сви-
 таго въ веревку; пошомъ об-
 мазываютъ ~~наковий~~ плешень
 съ обѣихъ сторонъ грязью,
 составленною изъ воды, гли-
 ны и овсяной мякины; вмѣ-
 сто сей послѣдней весьма
 часто кладутъ рубленую со-
 лому, сѣно, или коровій по-
 мешъ, сколько, сколько по-
 требно для составленія стол-

щины слѣнѣ, кошорымѣ дав-
ши хорошо засохнуть, ока-
завшіяся на нихѣ щещины
замазываютѣ густою упомя-
нутою грязью; послѣ сего бѣ-
лятѣ ихѣ жидкою глиною.
Нѣкошорые же изѣ нихѣ дѣ-
лаютѣ битыя сѣнѣны избѣ
шочно шакѣ же, какѣ и пе-
чки. — Низѣ избы обсыпаютѣ
землянымѣ валикомѣ, завали-
ною называемымѣ. — Пошолки
и крышки дѣлаютѣ разно-
образно.

Что вѣ здѣланной тако-
вымѣ образомѣ мазанкѣ Ма-
дороссіане дѣлаютѣ трубу,
соспавленную изѣ хворосшу
и грязи, надѣ устьемѣ пе-
чки и у боковѣ его. Труба
сія непосредственнo при-
маетѣ вѣ себя дымѣ, изѣ
устья выходящій, и (выво-

дишѣ его изъ избы шанѣ, что хоша во время пошленія печи окна и двери запершы, но дымѣ въ избу ни мало не входилѣ. — Воздухѣ, находящійся въ избѣ, труба со всѣми нечистотами и сыростию вбираешѣ и выношишѣ на дворѣ, а вмѣсто онаго всшупаешѣ въ избу свѣжій, чистый надворный воздухѣ.

Что Малороссіянки содержашѣ дома свои споль оерятно, что каждую субботу, или другіе предпраздничные дни мажушѣ печку и стѣны внутри бѣлою, а полѣ сѣрою глиною, или землею; а иногда дѣлаюшѣ разнообразную, хотя просшую, но не рѣдно весьма пріятную неспрошу на стѣнахѣ, а особливо около

окошекъ. Въ лучшее же время
 обмазываютъ таковымъ же об-
 разомъ и наружность избъ.
 Отъ такового присмотра ма-
 занки ихъ всегда чисты, су-
 хи, гораздо щеплѣе и здоро-
 вѣе нашихъ Велико-Россій-
 скихъ крестьянскихъ дере-
 вянныхъ избъ.

Что Малороссіянки поятъ
 избы свои по большей части
 по два раза въ день соломою,
 сѣномъ, или скошскимъ су-
 химъ помешомъ, который
 приугошовляютъ для сего слѣ-
 дующимъ образомъ:

Подножный скошскій по-
 мешъ, вмѣстѣ съ остатками
 корма, накопляющійся особен-
 но въ зимнее время въ за-
 городахъ, въ коихъ держутъ
 скотъ, рѣжутъ весною въ
 куски, видъ кирлица имѣю-

щіе, складывающъ ихъ въ
костры на все лѣто, гдѣ
они весьма хорошо высыха-
ющъ; послѣ чего употребля-
ющъ оныя не только для шой-
ки печей своихъ, но даже
на винокурняхъ для сидки
вина.

Что всегда скромная въ
дарахъ своихъ, благодѣтель-
ная натура, въ замѣну,
или по крайней мѣрѣ въ
добавокъ къ означенному спо-
собу шопленія, приуголовила
и открыла въ недрахъ зем-
ли, въ Ново-Россійской Гу-
берніи, Бахмутскаго уѣзда,
въ селѣ Лисья-Балка, у самой
рѣки, Донцомъ называемой,
земляные уголья, копорые раз-
рабатываютъ, доспаютъ и
употребляютъ ужедесять
лѣтъ, не только для шой-

ки печей , но и для сидки вина.

Нѣсколько кругловидныхъ алмазовъ , на голубомъ небѣ появившихся , напомнили намъ о приближеніи ночи. — Обошедъ нечувствительно болѣе десяти верстъ разными извилинами , мы разспались.

Возсядающая на тронѣ Мудрость въ образѣ благошворнаго Генія Россіи Александра Перваго ! не преставай любить и покровительствовать обновленнымъ и размноженнымъ Тобою Науки.

Усердныя Музы въ торжественныхъ гимнахъ возвѣстятъ повсюду громкія дѣла Твои ; — усшыженная зависть иноплениковъ падетъ съ покорностію къ стопамъ Тво-

ямъ ; — концы міра едино-
 гласно нарекушъ Тебя пиши-
 ломъ Великаго , и мы содѣ-
 лаемся велики Твоею велико-
 стію ! — Вѣнчанное Чадолюбіе !
 прими неліцемерныя обѣщан-
 ія дѣшею Твоихъ предѣ-
 лицемъ вездѣсущей Истинны,
 избравшей Тебя въ Цари сер-
 децъ нашихъ , что мы бу-
 демъ достойны Твоихъ ми-
 лостей ! Исторія злыхъ
 дней Твоихъ послужитъ дра-
 гоцѣннѣйшимъ урокомъ для
 Народо-повелителей ; она на-
 учитъ Ихъ , какъ дол-
 жно царствовать ! ... — Ты бу-
 дешь нашимъ Типомъ и
 Августомъ ; но мы не по-
 ставимъ Тебѣ бранныхъ кра-
 мовъ изъ мрамора , мы воз-
 двигнемъ ихъ въ душахъ
 нашихъ ; вѣки обновятъ ихъ

въ душахъ сыновъ и дще-
рей Россіи, едва мыслию до-
связаемыхъ!

Конецъ.